

ЮРГЕНС Игорь Юрьевич — кандидат экономических наук, профессор; директор Центра устойчивого развития Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76)

РОМОВ Роман Борисович — кандидат исторических наук, ведущий эксперт Центра устойчивого развития Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ)

КОМИССИЯ БРУНТЛАНН И КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ИСТОРИИ СССР/РОССИИ 1980–1990-х гг.

Аннотация. Авторы подробно рассматривают содержание, идеологию и принципы работы Международной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED). Особое внимание уделено основным положениям доклада комиссии Г.Х. Брунтланн «Наше общее будущее», в котором было дано поколенческое определение устойчивого развития с тем, чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. Качество экономического прогресса не может быть выражено только через макроэкономические показатели, т.к. устойчивость требует учета человеческих потребностей, включающих такие неэкономические переменные величины, как образование и здоровье, чистый воздух и вода, сохранение красоты природы. Системный же характер задач обуславливал то, что их неспособны полноценно решать обособленные ведомства (а равно и обособленные государства), следовательно, осуществление устойчивого развития требует новой ориентации в международных отношениях.

Вторую часть статьи авторы посвятили эволюции отношения руководства СССР и позже РФ к идее устойчивого развития. Уже в 1985–1989 гг. СССР посчитал, что синхронизация национальной перестройки с перестройкой общемировой дает стране возможность найти себя в качестве одного из глобальных лидеров XXI в., что стало основой активной работы по участию страны в работе комиссии и одновременно выработки собственного целостного взгляда на проблемы мироустройства. Авторы статьи рассматривают подходы к государственной политике устойчивого развития в 1990-х гг., которые уже тогда могли стать реальной основой российской экономической стратегии.

Ключевые слова: экологические проблемы, WCED, комиссия Брунтланн, доклад «Наше общее будущее», идея устойчивого развития, Саммит Земли, Концепция–1996, экологическая доктрина

Сорок лет назад Генеральная Ассамблея ООН в ходе подготовки Экологической перспективы–2000 учредила Международную комиссию по окружающей среде и развитию (*World Commission on Environment and Development, WCED*), которая за четыре года существования сформировала программную базу для всех последующих действий по переходу к устойчивому развитию как в рамках глобального управления, так и на национальном уровне [Wogowy 2014].

Предыдущие подобные опыты под эгидой ООН — комиссия Брандта (Независимая комиссия по проблемам международного развития, 1977–1983) и комиссия Пальме (Независимая комиссия по вопросам разоружения и безопасности, 1980–1982) — свидетельствовали, что даже экспертному анализу самого высокого уровня не гарантировано претворение в практические меры при отсутствии достаточной политической воли и достаточного общественного интереса.

Гру Харлем Брунтланн, экс-премьеру Норвегии (ко времени окончания работы комиссии она вернулась на этот пост), назначенной председателем WCED, удалось в этом отношении намного больше, чем В. Брандту и У. Пальме,

международный политический вес которых, надо признать, был в ту эпоху несколько выше, чем у их норвежской коллеги.

В известной степени это объясняется внешними обстоятельствами. Информационный фон, на котором происходила работа комиссии, — дискуссии об озоновой дыре, чернобыльская катастрофа, авария на химзаводе в индийском Бхопале, продолжительные засухи и голод в Эфиопии, лесные пожары на Борнео, взрыв газохранилища близ Мехико (более полутысячи погибших, 200 тыс. оставшихся без крова), пожар на заводе «Сандоз» в Базеле, на долгое время травмивший Рейн, — спровоцировал повсеместное усиление внимания к вопросам охраны окружающей среды.

Кроме того, Брунтланн и ее команда, в отличие от предшественников, придавали большое значение «технологическим» вопросам. Каждое заседание комиссии, проводившееся то в одной, то в другой стране (Индонезия, Норвегия, Бразилия, Канада, Зимбабве, СССР, Япония), превращалось в масштабный конгресс, широко освещаемый прессой и сопровождаемый открытыми общественными слушаниями. Была инициирована научная работа по всему миру (75 исследований, более 800 материалов), которая легла в основу итогового текста доклада. Сам текст был тщательно обработан стилистически, чтобы стать достаточно внятным и читаемым: он предназначался авторами не для архива Генассамблеи, а для массового распространения среди всех сколько-нибудь заинтересованных читателей. Презентация доклада 27 апреля 1987 г. транслировалась в прямом телеэфире. А после того в течение полугода, оставшегося до обсуждения на Генассамблее, он был представлен руководством комиссии во всех частях света, в крупнейших мировых державах как Запада, так и развивающегося мира (Китай, Индия), на ряде международных форумов.

Но все это, разумеется, не могло сработать, если бы сам доклад *WCED* не оказался документом исключительной актуальности, содержательности и политической силы. «Советский академик, американский республиканец, китайский профессор, бывший революционер, а ныне министр финансов и планирования Зимбабве, колумбийский эколог, генеральный секретарь Содружества наций, индонезийский министр по вопросам народонаселения, и это лишь некоторые из участников и лишь некоторая часть всего разнообразия их предыстории и опыта»¹ (описание, принадлежащее Брунтланн), — столь разнородный коллектив сумел выработать строго консенсусный политический документ, охватывающий все главные сферы мирового развития.

Необходимость образования самостоятельной комиссии мотивировалась тем, что в рамках готовившейся Экологическую перспективу—2000 Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) с ее компетенциями невозможно было рассматривать вопросы мирового развития вне узкого контекста охраны природы. Любые предлагаемые и реализуемые действия имели характер *end-of-pipe measures*, т.е. ликвидации последствий. Секретарь комиссии Брунтланн Джим МакНил описывал ситуацию так: «...в 1972 году [учредив ЮНЕП. — И.Ю., Р.Р.] мы все, по сути, приняли огромную дозу аспирина, чтобы облегчить симптомы наших экологических головных болей (и почувствовать себя лучше, по край-

¹ Gro Harlem Brundtland. Speech at the Nordic Conference on Environment and Development, 9 May 1987, in Stockholm. P. 4. — *Selected speeches on the Commission and its report by H.E. Mrs. Gro Harlem Brundtland, Prime Minister of Norway and Chairman of the World Commission on Environment and Development*. URL: https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/bitstream/handle/10625/20579/WCED_v42_doc1-36.pdf (accessed 23.11.2023).

ней мере, временно), но ничего не сделали для устранения причин наших многочисленных и растущих недугов»¹.

Янез Становник (позднее – последний президент президиума социалистической Словении) вспоминал, что комиссия разделилась на две группы – экономистов и экологов. Концептуальную основу доклада выработали именно экономисты, написавшие на своем шите, как указывал тот же Становник, слова из Филадельфийской декларации 1944 г. Международной организации труда: «Бедность где бы то ни было – это угроза процветанию где угодно». Фактически лидером группы был гайанский политик Шридат Рампал, упомянутый Брунтланн секретарь Британского Содружества; среди ее участников необходимо также указать Мориса Стронга (канадский бизнесмен, первый директор ЮНЕП), Бернарда Чидзеро (министр финансов Зимбабве, в будущем – кандидат на пост генсека ООН), Сюзанну Аньелли (замминистра иностранных дел Италии, в 1990-х – министр), Мансура Халида (бывший министр иностранных дел Судана, в комиссии он был фактическим представителем главы ЮНЕП М. Толбы) и формально не являвшегося членом *WCED*, но отвечавшего за составление итогового текста Нитина Десаи (в 2002 г. он будет председательствовать на Йоханнесбургском саммите по устойчивому развитию).

Инновационный характер доклада комиссии Брунтланн в отношении самого понятия «устойчивое развитие», как правило, несколько преувеличивается. Об устойчивом развитии как глобальной стратегии, способной обеспечить новое качество социально-экономического роста, велась речь с начала 1970-х гг. Всемирная стратегия охраны природы, представленная в 1980 г. Международным союзом охраны природы совместно с ЮНЕП и Всемирным фондом дикой природы, имела подзаголовок «Сохранение живых ресурсов для устойчивого развития». И уже в этом тексте было фактически дано то поколенческое определение устойчивого развития, которое впоследствии широко распространилось благодаря докладу комиссии Брунтланн. Охрана природы (*conservation*) определялась в документе как «управление использованием биосферы человеком таким образом, чтобы она могла приносить наибольшую устойчивую пользу нынешним поколениям, сохраняя при этом свой потенциал для удовлетворения потребностей и чаяний будущих поколений» [World Conservation Strategy... 1980]. Присутствовало и указание, что для устойчивости развития должны равно приниматься во внимание экологические, социальные и экономические факторы.

В резолюции Генассамблеи ООН 38/161 от 19 декабря 1983 г. задачей *WCED* было прямо определено «предложить долгосрочные экологические стратегии для достижения устойчивого развития до 2000 года и на последующий период». В этом же документе сформулирован и подход, который в итоге реализовала комиссия. Генассамблея ждала от нее рекомендаций относительно путей, «с помощью которых забота об окружающей среде может быть преобразована в более тесное сотрудничество развивающихся стран и между странами, находящимися на разных этапах экономического и социального развития, и привести к достижению общих и взаимодополняющих целей, учитывающих взаимосвязи между людьми, ресурсами, окружающей средой и развитием»².

¹ Jim MacNeill. Brundtland Revisited. – *Open Canada*. February 4. 2013. URL: <https://opencanada.org/brundtland-revisited/> (accessed 23.11.2023).

² Резолюция 38-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1983 года. A/RES/38/161. Процесс подготовки Экологической перспективы на период до 2000 года и далее. URL: <https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/38/161>

Авторы доклада не претендовали на то, чтобы представить готовую и всеобъемлющую программу перехода к устойчивому развитию для национальных и многосторонних институтов. Они стремились наметить пути такой политики, предложив «не окончательные решения, а лишь первые шаги» и «основные концептуальные направления организационных изменений» на национальном и глобальном уровнях [Наше общее будущее 1989: 277]¹. Адресовался доклад, помимо его непосредственного заказчика, Организации Объединенных Наций, правительствам («непосредственно и через различные их министерства и ведомства»), частному бизнесу, «но в первую очередь и главным образом», говорила в предисловии Брунтланн, «мы обращаемся к людям, чье благосостояние должно быть главной целью всех мероприятий в области окружающей среды и развития» [Наше общее будущее 1989: 11].

Главный посыл, пронизывающий установочную часть текста, — исторический оптимизм. Авторы настаивали, что именно теперь всемирная история подошла к рубежу, на котором появился реальный шанс «согласовать деятельность человека с законами природы и добиться всеобщего процветания», открылась «возможность начала новой эры экономического роста, в основе которой должна лежать политика оптимального использования и расширения базы природных ресурсов» [Наше общее будущее 1989: 13]. Спустя два десятилетия Брунтланн определила доклад как «послание надежды».

Сущность такого перехода — в придании развитию «устойчивого и долгосрочного характера, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [Наше общее будущее 1989: 20]. Развивая определение устойчивого развития, авторы характеризовали его как «процесс изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития и учрежденчески изменения находятся в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала с целью удовлетворения человеческих потребностей и стремлений» [Наше общее будущее 1989: 53].

Указывалось, что «устойчивое развитие не ограничено только чисто количественным ростом. Оно требует изменения содержания роста, для того чтобы он был менее материало- и энергоемким и более справедливым по распределению прибылей». Последнее, как неоднократно подчеркивалось в тексте, — важнейший аспект качества роста. «Быстрый рост в сочетании с несправедливым распределением доходов может быть хуже более медленного роста» [Наше общее будущее 1989: 58].

Устойчивость развития экономики определяется также тем, насколько преодолена ее уязвимость в отношении кризисов. Притом качество экономического прогресса не может быть выражено только через макроэкономические показатели. Устойчивость требует учета человеческих потребностей, включающих такие неэкономические переменные величины, как образование и здоровье, чистый воздух и вода, сохранение красоты природы. Столь же важно, чтобы состояние рынка труда позволяло всем достигать минимальных норм потребления.

Если раньше у людей вызывало тревогу воздействие экономического роста

¹ Цитаты здесь и далее приводятся по данному изданию. Это второй русский перевод доклада, более тщательный, чем тот, что был сделан в ООН непосредственно перед представлением доклада на Генассамблее. В некоторых случаях, когда развитие русскоязычной терминологии за минувшие 35 лет это позволяет, перевод скорректирован для более точной передачи смысла оригинального текста.

на окружающую среду, то теперь расстановка причин и следствий изменилась, последствия экологического стресса стали существенной угрозой для хозяйственного развития в будущем. И основной побудительный мотив для глобальной трансформации – не столько собственно деградация окружающей среды, сколько неспособность существующей системы теперь, а тем паче в будущем обеспечить общее благосостояние и равенство между людьми и между нациями. «Комиссия считает, что широко распространенное явление нищеты более не является неизбежным. Нищета не есть зло в себе; для обеспечения устойчивого и долговременного развития необходимо удовлетворить элементарные потребности всех людей и всем предоставить возможность реализовать свои надежды на более благополучную жизнь. В мире, в котором нищета приобрела хронический характер, всегда будут возможны экологические и другие катастрофы» [Наше общее будущее 1989: 20]. Бедность, как доказывалось на многочисленных примерах, разрушает окружающую среду не менее результативно, чем богатство и чрезмерное потребление.

Для достижения устойчивости развития требовалась корректировка всего строя экономической и общественной жизни, оформление «политической системы, обеспечивающей эффективное участие граждан в процессе принятия решений; экономической системы, обеспечивающей расширенное воспроизводство и технический прогресс на собственной, постоянно укрепляющейся базе; социальной системы, обеспечивающей снятие напряженностей, возникающих при негармоничном экономическом развитии; системы производства, сохраняющей эколого-ресурсную базу; технологической системы, обеспечивающей постоянный поиск новых решений; международной системы, способствующей устойчивости торговых и финансовых связей; административной системы, достаточно гибкой и способной к самокорректировке» [Наше общее будущее 1989: 69].

Перечень критических задач, непосредственно касающихся политики в области окружающей среды и развития, включал в себя «оживление процессов роста, изменение качества роста, удовлетворение основных потребностей в трудоустройстве, пищевых продуктах, энергии, воде и санитарии, обеспечение устойчивого уровня численности населения, сохранение и укрепление ресурсной базы, переориентацию технологий и контроль рисков, интеграцию экологических и экономических аспектов в процессе принятия решений» [Наше общее будущее 1989: 55-56].

Все это определяло необходимость принятия решительных мер, прежде всего на уровне государственного управления. Системный характер задач обуславливал то, что их неспособны полноценно решать обособленные ведомства (а равно и обособленные государства).

Комиссия рекомендовала возложить ответственность за состояние окружающей среды на все государственные учреждения, реализующие экономическую и социальную политику, в части экологических последствий этой политики и одновременно расширить полномочия ведомств, специализирующихся на защите окрестности.

Для эффективного функционирования такой схемы во всех структурах власти должны быть вполне отражены ценности устойчивости. Ключевым понятием для любого органа управления становились общие интересы, а потому оказывалось крайне важным широкое участие местных сообществ в принятии решений.

Комиссия рассмотрела ряд конкретных сфер хозяйственной деятельности. Что касалось энергетики, авторы доклада подчеркивали: «...реалистичный

сценарий глобального потребления энергии должен предусматривать существенный рост потребления энергии в развивающихся странах» [Наше общее будущее 1989: 25]. Разумеется, много говорилось о борьбе за энергосбережение и развитии возобновляемых источников энергии. Но все эти меры, указывала *WCED*, принимаются, кроме прочего, с тем, чтобы «уменьшить давление на традиционные топлива, которые крайне необходимы для того, чтобы позволить развивающимся странам реализовать их потенциал экономического роста» [Наше общее будущее 1989: 186].

Примечательно, что именно внутри главы, посвященной энергетике, разобрана тема климатических изменений. Комиссия рекомендовала действовать по четырем направлениям: развивать мониторинг, расширять научные исследования, разработать согласованные в международном плане мероприятия, направленные на сокращение выбросов, в т.ч. через изменение энергобаланса, и утвердить стратегию, необходимую для максимального ограничения ущерба в связи с климатическими изменениями и для адаптации к ним.

Анализируя тенденции и перспективы промышленного развития, авторы доклада настойчиво указывали: опыт развитых стран к 1980-м гг. уже продемонстрировал, что экологизация производства повышает рентабельность многих отраслей (укрепляя ресурсоэффективность) и стимулирует рост. Это справедливо и для отдельных предприятий, и для национальных экономик; перебалансировка бюджета в пользу природоохранных мер позитивно отражается на макроэкономических показателях. Борьба с загрязнением сама по себе в ряде развитых стран превращается в фундамент процветающей отрасли промышленности.

Большое внимание в докладе уделено продовольственной безопасности. Стратегические направления здесь рекомендованы следующие: менять географию производства, приближая его к потребителю; повышать доходы беднейших слоев населения; стимулировать технологическое развитие; осуществлять политику ресурсосбережения.

Отдельные главы в работе посвящены также биоразнообразию (рассматриваемому в первую очередь как основа для технологического развития; экономические выгоды от использования генетических материалов, указывали авторы, должны распределяться справедливо, а не присваиваться развитыми странами, располагающими достаточной научной и производственной базой), развитию городов (важнейшим условием устойчивого городского развития предстало расширение политических, организационных и финансовых возможностей местных властей, а также активное привлечение групп с низким уровнем жизни к определению и реализации политики в их отношении), совместной политике в отношении общего достояния (океаны, космос, Антарктика), международной безопасности (где подчеркивалось, что военные расходы представляют собой тот гигантский ресурс, который в иной ситуации мог бы обеспечивать устойчивость).

Прогресс и устойчивость международного экономического сотрудничества будут, по мнению комиссии Брунтланн, определяться двумя базовыми факторами. Во-первых, способностью сторон этого процесса гарантировать жизнеспособность экосистем, от которых зависит мировая экономика. Во-вторых, их, сторон, равноправием: партнеры должны быть убеждены, что отношения развиваются на справедливой основе.

Невозможно обеспечить реальную устойчивость для какой-либо обособленной части глобального мира. Между тем развивающиеся страны сталкиваются с гораздо более серьезными препятствиями для качественного роста. Ему

мешают невыгодные условия передачи технологий, протекционизм и традиционная кредитная политика, неустойчивость сырьевых рынков.

Особая ответственность за успешный переход к устойчивому развитию ложится на международные финансовые институты. «В условиях непрерывного расширения финансовых потоков Всемирный банк может поддерживать осуществление экологически целесообразных проектов и программ. Финансируя структурную перестройку, Международный валютный фонд должен способствовать выполнению более широких и перспективных задач в области развития, чем в настоящее время, а именно: поощрять экономическое развитие, достижение социальных целей и препятствовать вредному воздействию на окружающую среду» [Наше общее будущее 1989: 28]. Важно, чтобы эти учреждения не фокусировались целиком на финансовой стабильности, а также рассматривали как свою непосредственную задачу облегчение долгового бремени развивающихся стран.

WCED рекомендовала международным финансовым учреждениям организовать в собственной структуре специализированные отделы по профилю устойчивого развития и приступить к разработке методик оценки устойчивости проектов.

Комиссия обобщила и предложения по поводу новых источников для инвестирования, включая «доходы от использования международного общего достояния (например, поступления от океанского рыболовного промысла и морских перевозок, от разработки ресурсов морского дна, от освоения ресурсов Антарктики или сборы за размещение спутников на геостационарной орбите); налоги от международной торговли (например, общий налог на торговлю, налоги на конкретные товары, на невидимые статьи экспорта или отчисления от положительного сальдо в торговом балансе или же налог на предметы роскоши); международные финансовые меры (например, связь между специальными правами заимствования и финансированием развития или золотые резервы и продажа золота МВФ)» [Наше общее будущее 1989: 304].

Политики устойчивости, полагали авторы доклада, должны внедряться на уровне стран, отраслей, бизнес-ассоциаций, профсоюзов, предприятий, регионов и городов. Но основное внимание комиссия Брунтланн, как уже указывалось, уделила двум измерениям — национальному и межгосударственному.

В докладе признавалась невозможность выработки единой долговременной программы, в равной степени приемлемой для всех, поскольку социально-экономические системы и экологические условия в разных странах значительно отличаются. Каждому государству придется выработать свою собственную конкретную программу мероприятий. Тем не менее, настаивали авторы, несмотря на эти различия, устойчивое развитие надлежит рассматривать как глобальную задачу.

В предисловии к докладу, написанном главой комиссии, в качестве «наиболее важной задачи современности» указано «убеждение государств в необходимости вернуться к многостороннему сотрудничеству» [Наше общее будущее 1989: 8]. Ни одна страна не может развиваться изолированно от других стран. «Следовательно, осуществление устойчивого развития требует новой ориентации в международных отношениях».

При этом ответственность за принятие мер не может возлагаться только на какую-либо группу стран. «Все страны должны принимать участие в сохранении мира, изменении тенденций и исправлении международной экономической системы, которая не ослабляет, а усиливает неравенство, которая не уменьшает, а увеличивает число бедных и голодных» [Наше общее будущее

1989: 276-277]. Совместная ответственность за эту глобальную трансформацию предполагает равноправное участие и общий контроль. «Единство человеческих потребностей требует наличия действующей многосторонней системы, уважающей демократический принцип согласия и признающей тот факт, что не только Земля одна, но что и мир один» [Наше общее будущее 1989: 48].

В практическом плане это должно выразиться в превращении критерия устойчивого развития в один из главных критериев Организации Объединенных Наций. Генеральному секретарю ООН следует взять на себя центральное руководство высокого уровня для всей системы ООН в целях оценки, помощи и информирования на пути к устойчивому развитию. Для межведомственной координации *WCED* предлагала учредить специальный совет по устойчивому развитию под его председательством, определяющий общие цели для учреждений ООН. Рекомендовалось также перестроить под такое целеполагание программы и бюджеты всех организаций системы ООН.

Был представлен ряд конкретных предложений по совершенствованию деятельности ЮНЕП и других многосторонних организаций. Особый акцент делался на повышении роли научных кругов и неправительственных организаций в их работе. Предлагалось учредить программу ООН для оценки глобальных рисков. Указывалось также на необходимость создания международного органа по оценке экологического воздействия и устойчивости проектов, способного оказывать такие услуги странам, не располагающим достаточной собственной экспертной базой.

Комиссия призвала подготовить под эгидой ООН всеобщую декларацию об охране окружающей среды и устойчивом развитии, а после принятия декларации выработать на этой основе соответствующую конвенцию. Кроме того, предполагались (частично реализованные впоследствии) выработка и принятие конвенций и соглашений об изменении климата, о сохранении биоразнообразия, о вредных химических веществах и отходах и т.д. Обращалось внимание на насущную необходимость усиления процедур предотвращения и урегулирования споров по вопросам охраны окружающей среды и рационального ресурсопользования. Сам доклад предлагалось преобразовать в Программу действий ООН по устойчивому развитию.

Но присутствовало понимание, что любые организационные действия будут достаточно энергичными и дадут необходимый результат только в том случае, если свою реальную заинтересованность в нем проявит мировая общественность. Мало выработать программу действий, нужно, чтобы и политические лидеры, и рядовые граждане были готовы приступить к ее реализации (последующие прорывы и кризисы глобального перехода к устойчивому развитию вполне подтвердили этот тезис).

Крайне необходима «широкая кампания просвещения и обсуждения» [Наше общее будущее 1989: 33], — указывалось в докладе. «Принципы долговременного и устойчивого развития» предлагалось «поднять до уровня всемирной этики» [Наше общее будущее 1989: 276]. В развитии данного положения в обособленных врезках приводились характерные цитаты советских ученых. Академик И.Т. Фролов ставил вопрос с максимальной широтой: «Для успешного продвижения в решении глобальных проблем мы должны разработать новые методы мышления, выработать новые моральные и ценностные критерии и, несомненно, новые формы поведения. Человечество находится на пороге нового этапа своего развития. Мы должны не только способствовать расширению его материальной, научной и технической базы, но, что самое

главное, мы должны содействовать формированию новых ценностей и гуманистических стремлений в человеческой психологии» [Наше общее будущее 1989: 46].

Этому, считал академик Н. Н. Моисеев, может способствовать распространение знаний. «Поскольку интересы людей разнятся, нельзя считать само собой разумеющимся, что люди примут рекомендации ученых и придут к согласию в этом отношении. А их согласие имеет особое значение в ситуациях, когда затрагиваются глобальные проблемы и когда человечество в целом может подвергаться опасностям, порожденным отсутствием такого согласия. Сегодня крайне необходимо создание новой нравственности и принятие новых мер по углублению взаимопонимания между народами, странами и регионами. И в качестве первого шага мы должны расширять знания, сосредоточивать наши научные изыскания на задачах сохранения жизни на Земле и разрабатывать систему, позволяющую распределять и распространять знания и новые моральные критерии таким образом, чтобы они доходили до миллиардов людей, населяющих нашу планету» [Наше общее будущее 1989: 257].

Советский Союз (так же, как и Соединенные Штаты) поначалу без энтузиазма отнесся к идее создания комиссии. Сверхдержавы видели в этом скорее риски, чем шансы, — риски выслушивать критику собственных стратегий развития с трибуны ООН, а впоследствии столкнуться с попытками корректировать эти стратегии со стороны многосторонних организаций. Кроме того, учреждение независимой комиссии рассматривалось как покушение на прерогативы существующих (и поддающихся если не контролю, то влиянию) институтов ООН, в первую очередь ЮНЕП.

В состав комиссии по «социалистической квоте» вошел академик В.Е. Соколов, директор Института эволюционной морфологии и экологии животных. Для поддержки его деятельности в этом качестве Академия наук СССР сформировала рабочую группу из ряда ведущих ученых. В коллективе экспертов-юристов, сопровождавших комиссионную работу, участвовал А.С. Тимошенко, советский правовед, специалист по международной природоохранной деятельности¹. Но на практике советское участие в комиссии Брунтланн первое время оставалось достаточно формальным.

Все изменилось в 1985 г., когда обновленное руководство СССР посчитало, что в указанном балансе шансов и рисков преобладают все-таки шансы, что синхронизация национальной перестройки с перестройкой общемировой дает стране возможность найти себя в качестве одного из глобальных лидеров XXI в.

Отношение к разработке идей устойчивого развития в Москве было в принципе благожелательным еще с начала 1970-х гг. Советский эксперимент в силу своих масштабов оставался крайне ресурсоемким. Всякая «разрядка», снижение международной напряженности означали экономию внешнеполитических ресурсов и, таким образом, содействовали внутренней стабильности. Совместная работа по темам общего будущего рассматривалась именно в контексте новой «разрядки». Правда, как раз в силу этого подобная работа зачастую носила несколько формальный характер, смысл ее был в самом движении, в создании «атмосферы сотрудничества», и совершенно второстепенной оказывалась цель, конкретные плоды такого сотрудничества. В качестве примера можно вспомнить, с какой настойчивостью советские представители в

¹ Группа юристов не просто выполняла консультативные функции, а подготовила собственный доклад по своему профилю, содержавший, в частности, принципы предлагаемой к заключению конвенции ООН об охране окружающей среды и устойчивом развитии [Environmental protection 1987].

ЮНЕП в конце 1970-х – начале 1980-х гг. продвигали тему окружающей среды и гонки вооружений вопреки сопротивлению многих их западных коллег. Дело удалось довести до принятия одноименной резолюции Советом управляющих ЮНЕП и включения темы в качестве одной из центральных в Общесистемную среднесрочную программу по окружающей среде. На этом, собственно, оно почти остановилось – к практической разработке данной тематики по конкретным направлениям Москва уже не проявляла такого интереса.

Теперь же возник интерес именно к практической работе. Выражением этого стало предложение М.С. Горбачева провести одну из встреч комиссии в Советском Союзе. Для руководителей комиссии это стало неожиданностью. Сразу возникли сомнения насчет того, способны ли приглашающие обеспечить необходимую степень массовости и открытости; советская сторона заверила, что теперь это возможно.

И с 6 по 12 декабря 1986 г. в столице Советского Союза прошла 7-я официальная встреча комиссии. Обсуждалась итоговая структура доклада, были рассмотрены черновые версии всех его глав. Члены комиссии встретились с заместителем предсовмина Б.Е. Щербиной, руководившим ликвидацией чернобыльской аварии, посетили Госплан. В Кремле состоялась беседа Горбачева и Брунтланн.

Провести одно из рабочих мероприятий на территории соцлагеря было принципиально важным и для самой комиссии. Завершая вступительную речь в Московском центре международной торговли, Г.Х. Брунтланн обращала общее внимание на то, что «некоторые из идей Международной комиссии уже разделяются Советским Союзом. Генеральный секретарь Горбачев в своем выступлении на XXVII съезде партии в феврале прошлого года говорил о необходимости рационального использования мировых ресурсов как активов, принадлежащих всему человечеству. Он также отметил, – становится все более очевидно, что мы должны разработать эффективные международные процедуры для достижения этой цели, и призвал к сотрудничеству в мировом масштабе для тесных и конструктивных совместных действий. Генеральный секретарь Горбачев назвал загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов глобальными проблемами, затрагивающими сами основы существования цивилизации. Он указал на растущую взаимозависимость между странами и подчеркнул необходимость конструктивных и созидательных отношений между государствами и народами. Советский Союз уделяет все большее внимание экологическим проблемам, таким как загрязнение воздуха на большие расстояния, загрязнение морской среды, малоотходные технологии, эрозия почв. Восточная Европа обладает выдающейся сетью национальных парков, здесь глубоко укоренилась забота о природе. Очевидно, что вы можете внести большой вклад в наше обсуждение»¹.

В течение двух дней в Москве проходили общественные слушания, разделенные на несколько секций (государственное управление и окружающая среда; атомная энергия; роль неправительственных организаций; управление природными ресурсами в социалистических странах; образование и окружающая среда; международные отношения и окружающая среда). Слушания

¹ Opening Address by Mrs Gro Harlem Brundtland, Chairman of the World Commission on Environment and Development and Prime Minister of Norway. Seventh Meeting. Monday, 8 December 1986. Moscow, USSR. P. 7. – *Selected speeches on the Commission and its report by H.E. Mrs. Gro Harlem Brundtland, Prime Minister of Norway and Chairman of the World Commission on Environment and Development*. URL: https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/bitstream/handle/10625/20579/WCED_v42_doc1-36.pdf (accessed 23.11.2023).

эти, конечно, имели более официозный характер, чем предыдущие, напоминая скорее масштабную научную конференцию, собравшую 500 с лишним участников¹. Но руководство комиссии осталось довольным состоявшейся дискуссией, которая, как указывалось выше, нашла отражение и в итоговом тексте «Нашего общего будущего». Среди авторов докладов, тексты которых сохранились в архиве комиссии, — академик, декан факультета управления и прикладной математики МФТИ, создатель математической модели «ядерной зимы» Н.Н. Моисеев; академик В.А. Легасов, чьи последние годы жизни были целиком связаны с ликвидацией и осмыслением аварии на ЧАЭС; главный редактор журнала «Коммунист» член-корреспондент АН СССР И.Т. Фролов; историк-международник, один из идеологов перестройки В.В. Загладин; замдиректора ИМЭМО, впоследствии — заместитель министра иностранных дел И.Д. Иванов; президент Туркменской Академии наук, а до того — директор Института пустынь А.Г. Бабаев; почвовед, один из разработчиков всемирного плана ЮНЕП по борьбе с опустыниванием профессор Б.Г. Розанов; будущие редакторы русского издания доклада комиссии экономист Р.А. Перелет и гляциолог С.А. Евтеев; руководители союзных и республиканских государственных органов, связанных с природопользованием и охраной окружающей среды, а также многочисленные представители науки и государственного управления стран Восточной Европы.

Устроил комиссию и уровень пресс-сопровождения. «Наша встреча была важным тестом на новую открытость для Советского Союза. Журналисты роились вокруг нас», — вспоминала позднее Брунтланд, отмечая непривычно высокую степень откровенности бесед с ними [Brundtland 2002: 212].

В начале 1987 г. несколько членов комиссии снова собрались в Москве, чтобы обсудить финальный драфт главы, посвященной международной безопасности.

1 октября 1987 г., выступая в Мурманске, Горбачев посчитал нужным еще раз приветствовать «деятельность авторитетной Международной комиссии по окружающей среде и развитию, возглавляемой премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брунтланд»². Статья Горбачева «Реальность и гарантии безопасного мира», приуроченная к открытию 42-й Генассамблеи ООН, в повестке которой стояло рассмотрение доклада комиссии, в значительной степени оказалась посвящена безопасности экологической. Обращение к Генассамблее звучало, правда, несколько двусмысленно, советский лидер как будто намекал на необходимость вернуть ЮНЕП изъятые у нее четырем годами ранее и так продуктивно использованные полномочия: «Проблемы экологической безопасности затрагивают всех, невзирая на богатство и бедность. Необходима глобальная стратегия охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов. И мы предлагаем приступить также и к ее разработке в рамках специализированной программы ООН»³.

Но двусмысленность эта была явно ненамеренной, советские представители доклад в целом одобрили, изложение его еще до завершения Генассамблеи

¹ До того комиссия Брунтланд провела общественные слушания в Джакарте (март 1985), Осло (июнь 1985), Сан-Паулу и Бразилиа (октябрь 1985), Оттаве (май 1986), Хараре и Найроби (сентябрь 1986).

² Речь М.С. Горбачева на торжественном собрании при вручении городу Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая звезда». — *Правда*. 02.10.1987. № 275(25262).

³ М.С. Горбачев. Реальность и гарантии безопасного мира. — *Правда*. 17.09.1987. № 260(25247).

было опубликовано в журнале «Коммунист»¹, а через некоторое время относительно массовым тиражом (20 тыс. экз.) был издан полный русский перевод доклада.

Выступление же Генерального секретаря ЦК КПСС с трибуны ООН через год стало фактически изложением советских подходов к концепции устойчивого развития. Два десятилетия спустя Ф. Лукьянов охарактеризовал эту речь как «последнюю из предпринятых в нашей стране попыток выработать собственный целостный взгляд на проблемы мироустройства. С тех пор ничего подобного не происходило»².

М. Горбачев соглашался с тем, что «научно-техническая революция превратила многие проблемы — экономические, продовольственные, энергетические, экологические, информационные, демографические, — с которыми мы еще так недавно имели дело как с национальными или региональными, в проблемы глобальные». И дело не только в конкретных проблемах, — «мировое хозяйство становится единым организмом, вне которого не может нормально развиваться ни одно государство, к какой бы общественной системе оно ни принадлежало и на каком бы экономическом уровне оно ни находилось».

Советский лидер развивал тезисы «Нашего общего будущего»: «Рост мировой экономики обнажает противоречия и пределы индустриализации традиционного типа. Дальнейшее ее распространение “вширь и вглубь” толкает к экологической катастрофе. Но есть еще много стран, где промышленность недостаточно развита, а некоторые еще не вышли из доиндустриальной стадии. Пойдет ли процесс их экономического роста по старым технологическим образцам, или они смогут включиться в поиск экологически чистого производства — вот одна из больших проблем. Другая: пропасть между развитыми и большинством развивающихся стран не сокращается, становясь все более серьезной угрозой глобального масштаба. Это делает необходимым начать поиски принципиально нового типа промышленного прогресса — такого, который отвечал бы интересам всех народов и государств».

Особое внимание Горбачев обращал на проблему внешнего долга, также формулируя ее в духе идеологов устойчивого развития. «Давайте не забывать, что развивающийся мир ценой бесчисленных потерь и жертв в колониальную эпоху авансировал процветание немалой части мирового сообщества. Пришло время компенсировать лишения, которыми сопровождался этот его исторический и трагический вклад в мировой материальный прогресс. Выход, мы убеждены, — также в интернационализации подхода» [Горбачев 1988].

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 7 января 1988 г. «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», будучи далеко не первым подобным актом с начала 1970-х гг., отличалось от предыдущих наличием целого раздела, посвященного международному сотрудничеству. В числе основных направлений тут были указаны «разработка глобальной стратегии по охране природной среды и использованию природных ресурсов», а также «совершенствование принципов международного режима природопользования, научных и правовых основ решения международных экологических проблем». В ходе осуществления этой работы предполагалось «неуклонно обеспечивать всемерное повышение роли советской стороны в Программе Организации

¹ Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию под эгидой ООН. — *Коммунист*. 1987. № 17.

² Лукьянов Ф. Кладезь перестройки. — *Газета.ру*. 11.12.2008. Доступ: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/2908562.shtml> (проверено 23.11.2023).

Объединенных Наций по окружающей среде и в деятельности других специализированных органов ООН» и расширение участия в профильных международных неправительственных организациях.

Это логически вытекало из новизны самого подхода к проблеме. «Сохранение и преумножение природных ресурсов, улучшение состояния окружающей среды» объявлялось «важнейшей задачей всех партийных, государственных и хозяйственных органов, объединений и предприятий, общественных организаций и каждого трудового коллектива» исходя из «признания жизненной необходимости решения этих вопросов не только для советского народа, но и для всего человечества». При этом «обеспечение рационального природопользования и охраны окружающей среды» следовало рассматривать «как неотъемлемую составную часть экономического и социального развития».

Советские ученые и дипломаты активно включились в организационную и интеллектуальную подготовку Саммита Земли в Рио-де-Жанейро. Одним из самых заметных мероприятий в цепочке между обнародованием доклада комиссии Брунтланн и саммитом 1992 г. стал Глобальный форум по защите окружающей среды и развитию в целях выживания (Москва, январь 1990 г.), собравший более 5 тыс. участников со всего мира, включая Генерального секретаря ООН и генерального директора ЮНЕСКО. Указание на необходимость «активизировать подготовку к проведению в 1992 году Всемирной конференции ООН по окружающей среде» содержалось в постановлении Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. «О неотложных мерах экологического оздоровления страны».

Но ко времени открытия конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро Советский Союз уже полгода не существовал. А власти Российской Федерации были озабочены совершенно иными проблемами. В работе конференции фактически участвовали около 10 представителей России — значительно меньше, чем у стран-лидеров¹. По свидетельству тогдашнего министра экологии В.И. Данилова-Данильяна, «людей для полноценного участия во всех комитетах (а их было два десятка) не хватало, и мы буквально разрывались на части» [Охрана природы... 2003: 213].

Уровень представительства также был снижен — документы саммита вслед за Дж. Бушем, Ф. Миттераном, Г. Колем, Ф. Кастро подписывал от имени России вице-президент А.В. Ружкой. Б.Н. Ельцин в это время готовился к встрече с лидерами западного мира на мюнхенском саммите «Большой семерки», где предполагалось в формате 7+1 обсудить действительно серьезные вопросы: реструктуризацию российской задолженности и выделение новых кредитов. Причем прибыл Ружкой в Рио-де-Жанейро лишь под самый конец многодневной конференции и, исполнив свои протокольные обязанности, проигнорировал даже круглый стол глав государств, что было воспринято остальными как демонстрация неясного содержания.

Российские инициативы, высказанные с трибуны Саммита Земли (общий мораторий на испытания ядерного оружия, создание «химического МАГАТЭ»),

¹ Формально делегация Российской Федерации на бразильском саммите насчитывала почти 30 человек, но значительную долю их составили помощники вице-президента А.В. Ружкого, а также те, кто до Рио-де-Жанейро так и не добрался. В сравнении с крупными державами и это было немного (к примеру, официальная делегация Китая состояла из 62 человек, Франции — 39), однако выделялось на фоне других государств СНГ (министр экологии и его помощник от Казахстана, три человека, включая премьер-министра, от Азербайджана, 7 человек от Украины, 5 — от Беларуси, 4 — от Молдовы; не все бывшие республики СССР вообще были представлены на конференции).

а также введение института «зеленых касок ООН» для оперативного реагирования на экологические бедствия), плохо стыковались с повесткой и полномочиями конференции и имели чисто декларативный характер. Вместе с тем представителям России удалось настоять на особом статусе для стран с переходной экономикой, чтобы в рамках международного сотрудничества в сфере устойчивого развития под эгидой ООН к ним предъявлялись минимальные требования в сравнении с развитыми странами [Коптюг 1992: 20].

В начале 1993 г. Минэкологии России представило проект Национального плана действий по реализации решений саммита в Рио. Документ был целиком сконцентрирован на профильной для министерства тематике. Некоторая его ущербность в этом смысле оказалась очевидной, и решение задачи подняли на более высокий уровень. 4 февраля 1994 г. был опубликован президентский указ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». Правительству поручалось до конца года представить проект концепции перехода страны на модель устойчивого развития. Пока же вводились в действие Основные положения стратегии по четырем направлениям: это экологическая безопасность, охрана среды обитания человека, сохранение и восстановление экосистем, участие в решении глобальных экологических проблем.

Работа над концепцией затянулась значительно дольше установленного президентом срока. Летом 1995 г. проекты обсуждались в Москве на Всероссийском съезде по охране природы, по результатам обсуждения была создана правительственная комиссия. Наконец, 1 апреля 1996 г. итоговый текст концепции был утвержден президентским указом. К началу следующего года руководитель государства обязывал правительство разработать Национальную стратегию устойчивого развития.

Текст Концепции—1996 также оказался сосредоточенным на экологической тематике, на перспективах восстановления естественных экосистем. Оговоренные в нем задачи — добиться коренного улучшения состояния окружающей среды и ввести хозяйственную деятельность в пределы емкости экосистем. Указывалось и на иные направления в соответствии с документами Рио—92: искоренение бедности; изменение структуры потребления; уменьшение дифференциации в доходах и т. д., но никакого раскрытия эти темы не получили.

Начальный этап устойчивого развития Российской Федерации, настаивали авторы концепции, будет разворачиваться на фоне решения острых экономических и социальных проблем, поэтому должен ограничиться внедрением программ оздоровления окружающей среды в кризисных зонах и соблюдением обоснованных экологических ограничений хозяйственной деятельности. И только затем, в неопределенном пока будущем, как предполагалось, пойдет речь о структурных преобразованиях в экономике, технологическом обновлении, экологизации социально-экономического развития.

Социальные аспекты концепции устойчивого развития одно время пыталась использовать КПРФ. Программные тезисы партии, принятые в апреле 1994 г., получили название «К устойчивому развитию, народовластию и социализму». Речь об устойчивом развитии шла и в партийной программе, принятой на III съезде КПРФ в январе 1995 г.

Незадолго до того ЦИК партии совместно с парламентской фракцией организовал в Москве конференцию «Реформы в России с позиций концепции устойчивого развития». Совместное заявление ее участников завершалось утверждением вполне однозначным: «Граждане России в переломный момент

мировой истории должны сделать выбор – либо активно включиться в это прогрессивное общецивилизационное движение и занять в нем достойное место, либо оказаться за пределами исторического процесса со всеми вытекающими последствиями» [Реформы в России... 1995: 7].

Порочность капиталистической модели развития XX в. и широкий круг экономических задач, требующих регулирования, – вот темы, привлекавшие первоочередное внимание идеологов КПРФ. Подходы, выработанные комиссией Брунтланн и закрепленные в решениях Саммита Земли, виделись им тем неоспоримым внешним авторитетом, на который можно опереться в критике российских реформ 1990-х гг. Впрочем, уже тогда имела место внутрипартийная дискуссия, часть участников которой рассматривала устойчивое развитие как «глобалистскую провокацию». А в нынешнем веке партия практически потеряла интерес к данной теме.

Работа над государственной стратегией, о которой говорилось в президентском указе от 1 апреля 1996 г., также увязла в противоречиях как внутри исполнительной власти, так и между правительством и Госдумой. На исходе 1997 г. Минэкономики и Госкомитет по охране окружающей среды представили в правительство проект стратегии. Причем сами разработчики видели в ней лишь «мировоззренческую основу», опираясь на которую органы власти совместно с обществом должны выработать программу первоочередных мер. Проект был отправлен на доработку, резко критиковался думской комиссией по устойчивому развитию, в первую очередь из-за недоучета социальных факторов¹.

Спустя четыре с лишним года профильная комиссия уже следующего думского созыва представила собственные основные положения стратегии устойчивого развития России. Но к тому времени у исполнительной власти ощущение актуальности темы совершенно пропало. С конца 1990-х гг. даже экологическая доминанта была практически изъята в России из стратегического планирования (существенным исключением оказалось только принятие в августе 2002 г. Экологической доктрины Российской Федерации, разработка которой была увязана с участием страны в Йоханнесбургском саммите ООН по устойчивому развитию).

Очередной том «Записок Санкт-Петербургского горного института», изданный в начале 1999 г., открывался статьей директора ФСБ России В. Путина «Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики» [Путин 1999: 3-9].

Отечественный минерально-сырьевой комплекс, говорилось в материале, должен стать «базисом устойчивого развития страны на длительную перспективу», обеспечив для российской экономики достаточный (вдвое выше среднемирового) и притом качественный рост.

Задачей государственного регулирования в этом плане становилось содействие организации крупных финансово-промышленных корпораций межотраслевого профиля на базе добывающего сектора, способных аккумулировать значительные средства на внутреннем и внешнем финансовых рынках. Автор статьи настаивал, что «рыночный механизм даже в развитых странах не обеспечивает решение стратегических задач природопользования, охраны природы, устойчивой экономической безопасности, о чем ярко свидетельствуют

¹ Итоги «параллельной» работы, координировавшей из Госдумы, в интеллектуальном плане наиболее полно представлены в коллективной монографии, подготовленной под руководством академика В.А. Коптюга, члена как ЦК КПРФ, так и Консультативного совета ООН по устойчивому развитию [Новая парадигма 2000].

итоги конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 г.».

Широкий круг конкретных задач предполагал выстраивание развитой системы государственного регулирования и поддержки добывающего сектора, включающей в себя целый ряд подсистем: правового обеспечения, финансово-кредитной поддержки, инфраструктурного и информационного обеспечения, страхования от чрезвычайных происшествий и стихийных бедствий, научного обеспечения, экологического и экономического образования, повышения квалификации и др. Без участия государства, указывал В. Путин, невозможно инициировать и направить процессы модернизации производства, развития глубокой переработки, внедрения технологий, безопасных для окружающей среды. Только государство может создать условия для привлечения в добывающий сектор крупномасштабных инвестиций, в т.ч. иностранных. Только государство, представляющее общественные интересы, способно организовать налоговую и бюджетную политику таким образом, чтобы доходы российского минерально-сырьевого комплекса гарантировали рост благосостояния как для людей, непосредственно включенных в орбиту этой деятельности (персонал предприятий, население моногородов и т. д.), так и для всех граждан страны. Только государство обеспечит достаточное повышение эффективности использования природных ресурсов и создание необходимых условий для перевода экономики на ресурсосберегающий путь развития. Только целенаправленная государственная политика сделает сырьевые богатства России залогом ее успешной интеграции в мировую экономику.

Таким образом, уже почти четверть века назад принципы устойчивого развития, сформулированные в докладе комиссии Брундтланд и закрепленные в принятой ООН в 1992 г. Повестке дня на XXI век, могли стать реальной основой российской экономической стратегии. Вопрос о том, насколько успешно это было реализовано на практике, остается за хронологическими рамками данной работы.

Список литературы.

Горбачев М.С. 1988. *Выступление в Организации Объединенных Наций 7 декабря 1988 года*. М.: Политиздат. 31 с.

Коптюг В.А. 1992. *Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года)*. Новосибирск. 62 с.

Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты. М.: Academia, 2000. xix+397 стр.

Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) (пер. с англ.; под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета; предисл. Г.Х. Брундтланд). 1989. М.: Прогресс. 376 с.

Охрана природы России: от Горбачева до Путина. 2003. М.: КМК. 416 с.

Путин В. 1999. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики. — *Записки Санкт-Петербургского государственного горного института*. Т. 144. № 1. С. 3-9.

Реформы в России с позиций концепции устойчивого развития: труды научной конференции. 1995. Новосибирск: Гражданский мир. 60 с.

Borowy I. 2014. *Defining Sustainable Development for Our Common Future: A History of the World Commission on Environment and Development (Brundtland Commission)*. Lnd.: Routledge. 256 p.

Brundtland G.H. 2002. *Madam Prime Minister: A Life in Power and Politics*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux. 485 p.

Environmental Protection and Sustainable Development: Legal Principles and Recommendations. Experts Group on Environmental Law of the World Commission on Environment and Development. 1987. Lnd.: Graham and Trotman. xxi+196 p.

World Conservation Strategy. Living Resource Conservation for Sustainable Development. International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (IUCN). 1980. 76 p. URL: <https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/wcs-004.pdf> (accessed 23.11.2023).

YURGENS Igor Yurievich, *Cand.Sci. (Econ.)*, Professor; Director of the Center for Sustainable Development, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454)

ROMOV Roman Borisovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Leading Expert of the Center for Sustainable Development, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454)

BRUNTLAND COMMISSION AND THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE HISTORY OF THE USSR/RUSSIA, 1980s–1990s

Abstract. The authors examine in detail the content, ideology and principles of work of the World Commission on Environment and Development (WCED). Particular attention is paid to the main provisions of the report of the commission by G.Kh. Brundtland «Our Common Future», which provided a generational definition of sustainable development so that it meets the needs of living people without depriving future generations of the opportunity to meet their needs. The quality of economic progress cannot be expressed only through macroeconomic indicators, because sustainability requires taking into account human needs, including non-economic variables such as education and health, clean air and water, and preserving the beauty of nature. The systemic nature of the tasks determines that isolated departments (as well as isolated states) are unable to solve them fully; therefore, the implementation of sustainable development requires a new orientation in international relations.

The authors devote the second part of the article to the evolution of the attitude of the leadership of the USSR and later the Russian Federation to the idea of sustainable development. Already in 1985–1989, the USSR considered that synchronizing national restructuring with global restructuring gave the country the opportunity to find itself as one of the global leaders of the 21st century. It became the basis for active participation in the work of the Commission and at the same time developing own holistic view of the problems of the world order. The authors examine approaches to the state policy for sustainable development in the 1990s, which even then could become the real basis of the Russian economic strategy.

Keywords: environmental problems, WCED, Brundtland Commission, report «Our Common Future», idea of sustainable development, Earth Summit, Concept–1996, environmental doctrine